

Балтийская мифология

балтийская мифология, система мифологических представлений древних балтийских (балтских) племён. Общебалтийская мифологическая система не сохранилась, но в некоторых случаях она реконструируется на основе мифологических систем отдельных балтийских племён: западных – пруссов, ятвягов и др., и восточных – жемайтов и аукштайтов (литовцев), латышей и др.

На рубеже 1-го и 2-го тысячелетий н. э. балтийские племена занимали территорию к югу и востоку от Балтийского моря, соседствуя со славянами и прибалтийскими финнами. Самые ранние сведения о мифологии и ритуале балтийских племён, помимо археологических данных о погребальном обряде и характере святилищ, восходят к концу I в. н. э.

Описывая эстиев, отождествляемых с древнебалтийскими племенами, Тацит сообщает, что они «поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вебрей» («Германия» XLV). Некоторые сведения о ритуале и идолопоклонстве эстиев и пруссов содержатся в англо-саксонском описании путешествия Вульфстана (конец IX в.) и в жизнеописаниях епископа Адальберта Бременского, пытавшегося приобщить пруссов к христианству.

Данные источников XII–XIII вв. расширяют представления о раннебалтийском язычестве: например, араб, географ Идриси сообщает о поклонении огню, в булле папы Иннокентия от 5 октября 1199 упоминаются и другие объекты почитания – деревья, травы, водные источники, животные и т. д. С началом агрессии Тевтонского ордена, немецкой колонизации и христианизации в конце XII – начале XIII вв. количество источников по Б. м. (прежде всего у пруссов) резко увеличивается (орденские договоры с пруссами, «Рифмованная хроника», «Ливонская хроника» Генриха Латвийского, польские анналы, русские летописи).

Более поздние источники – «Хроника Пруссии» Петра Дюсбурга (XIV в.), сочинения польского историка Я. Длугоша (XV в.), немецкого монаха С. Грунау, литовских писателей Мажвидаса, Даукши, Бреткунаса и др., польских историков М. Стрыйковского, Я. Ласицкого (XVI в.) и др., сообщающие много нового, вместе с тем не

только содержат немало сомнительных сведений, но иногда и дополняют Б. м. в соответствии с античными мифологическими образцами и общими представлениями о мифологии самих авторов (в некоторых случаях отдельные авторы XVI в., например Грунау, подозреваются в подделках, с чем в полном объёме согласиться трудно). В XVI в. христианизация балтийских народов была завершена, но остатки язычества, оттеснённые в область неофициальной культуры, сохранялись весьма устойчиво.

С середины XVI в. появляются сочинения авторов балтийского происхождения (особенно в Литве), хорошо знакомых с пережитками языческой мифологии и обрядности, а также учёных, обладавших основами научной критики источников (немецкий историк М. Преториус и др. в XVII в., языковед Г. Стендер и др. в XVIII в.). Важный источник сведений по Б. м. — латышский и литовский фольклор, весьма устойчиво сохранивший архаизмы: латышская мифология восстанавливается в большей степени на основе фольклорных источников, а не старых письменных свидетельств.

Существенным подспорьем при реконструкции Б. м. являются произведения народного искусства (резьба по дереву, вышивки, орнаменты и т. п.). Языковые данные (прежде всего имена мифологических персонажей) в их сравнительно-исторической интерпретации позволяют выделить древнее индоевропейское ядро Б. м. — схему так называемого основного мифа о поединке громовержца с его противником (см. Индоевропейская мифология) и имена участников этого мифа — Перкунаса, Велняса и Велса.

Индоевропейские истоки обнаруживает целый ряд других мифологических имён (см. Жемина, Пушкайтс, Усиньш, Лаума, Вейопатис, Звайгстикс). Главные черты Б. м. находят выражение в наборе основных семантических противопоставлений, описывающих пространственно-временные, социальные, оценочные характеристики мира (благоприятные и неблагоприятные для человека): счастье (доля) — несчастье (недоля), жизнь — смерть, чёт — нечет, правый — левый, верх — низ, небо — земля (подземное царство), юг — север, восток — запад, суша — море, огонь — влага, день — ночь, весна — зима, солнце — месяц, белый — чёрный, близкий — далёкий, дом — лес, мужской — женский, старый — молодой, главный — неглавный, сакральный — профанический. В зависимости от функций мифологических персонажей, степени их индивидуализированности и актуальности для человека и некоторых других признаков внутри Б. м. выделяется несколько уровней. Первый уровень объединяет высших богов, входящих в общепалтийский пантеон и в мифологические сюжеты. Первое место занимает бог (см. Диевас), обитающий на небе, главный среди богов.

В прусском пантеоне он называется Окопирмс («самый первый»). В некотором отношении к богу (подчинение, зависимость, но иногда — предшествование во времени, ср. латыш. *Vecāis Tēvs*, «старый отец») находится громовержец Перкунас (Перконс).

У бога есть дети, сыновья (литов. *Dieyo sūneliai*, латыш. *Dieva dēli*, наряду с *Pērkōna dēli*, «сыновья Перкона»), с которыми связан целый комплекс архаических представлений, восходящий к индоевропейскому культу божественных близнецов (см. Близнецные мифы).

В латышских народных песнях сохранились фрагменты мотивов и символы, связывающие детей Диеваса с обожествляемыми близнецами других традиций — древнегреческими Диоскурами, древнеиндийскими Ашвинами: сыновья бога влюблены в дочь бога (литов. *Saulės duklė*, латыш.

Saules meita, «дочь солнца», отсюда и эстонская Сальме); ожидая её, они зажигают два огня на море, катают дочь солнца по морю в яблонево́й лодке, по суше едут к её дому на двух конях. Сыновья бога воплощают плодородие и связываются с сельскохозяйственным культом.

С аграрной символикой близнецного культа связана и ритуальная значимость сдвоенного колоса и вообще сдвоенного плода (литов. *dvilypaĩs, kėmerai*, латыш. *jūmis*, Юмис — слово, восходящее к древнему индоевропейскому названию божественного близнеца) и двойни у коровы, при рождении которой в литовских деревнях совершался очистительный обряд опахивания на двух бычках, запряжённых в соху, предотвращающий эпидемию (аналогичный обряд известен и в древнеиндийской традиции). Представление о том, что с близнецами и их древнейшим атрибутом — лошадьми — связаны и возможность эпидемии, и исцеление от болезни, до настоящего времени встречается в литовских деревнях.

Эти особенности близнецного культа отразились и в литовских изображениях коньков на крыше, имеющих точные соответствия в латышских коньках из области Курземе в виде конских голов (в этом отношении показательно родство латыш. *jūmt* — «крыть крышей» и *jūmis* — «сдвоенный плод», Юмис, полевое божество). Сходную функцию имели ритуальные столбы с изображениями двух братьев, прусских генеалогических героев — Видевута и Брутена.

Архаичность всего этого балтийского комплекса представлений о божественных близнецах, соотнесённых с двумя вождями племени, подтверждается также и тем, что каждый из близнецов связывался с одним из элементов набора полярных противопоставлений: один из прусских богов-близнецов старый, другой – молодой, один связан с весенним циклом, другой – с осенне-зимним, один с жизнью, другой – со смертью и т. д. В наиболее древней реконструируемой форме балтийского мифа один из близнецов был сыном бога, другой – дочерью.

Но дальнейшее развитие этого сюжета, устраняющее явный кровосмесительный характер брака между ними, ведёт к раздвоению близнеца-брата на двух братьев при наличии одной сестры (дочь солнца, ср. кельтский миф об инцесте трёх братьев, имя которых родственно латыш. Jumīš, и их сестры, а также хеттский миф о кровосмешении 30 близнецов и их сестёр и т. п.).

В балтийском мифе сестра выступает в качестве дочери солнца, тогда как этимологическая связь имени бога с названием солнца (ясного неба) уже не осознаётся. Помимо участия в сюжете архаического близнечного мифа, составляющего наиболее древний (но относительно полно реконструируемый) пласт Б. м., в целом Диевас пассивен и стоит вне мифологических сюжетов, чем напоминает высшего бога в ряде сибирских и африканских мифологий. В качестве наиболее активного, грозного и мощного мифологического персонажа выступает Перкунас (Перконс), бог грома и молнии, воплощающий военную и – косвенно – хозяйственную, имеющую отношение к плодородию, функцию.

Ему противостоит Велняс, в культе которого есть следы его связи со скотом (конями, быками, свиньями), что, очевидно, свидетельствует о продолжении древней индоевропейской традиции, согласно которой загробный мир представлялся как пастбище. Это божество связано с нижним миром, со смертью и одновременно с плодородием.

Громовержец, обитающий на небе, на горе, вверху, преследует своего противника, живущего на земле, внизу (нередко противник имеет змеевидную природу). Иногда в фольклоре указывается причина гнева громовержца – связь его противника с женой Перкунаса или похищение её, людей, скота.

Преследуемый противник прячется за разные предметы (дерево, камень), обращается в

корову, в человека (а также и в других животных, в том числе в кошку). Громовержец на колеснице, запряжённой конями или козлами, с медным или даже каменным оружием нападает на противника, мечет молнию, раскалывает дуб и камень, убивает противника, после чего начинается дождь, приносящий плодородие.

Иногда упоминается помощник громовержца мифический кузнец (см. Кальвис). В этом виде основной миф, составляющий главный сюжет Б. м., восстанавливается бесспорно для литовской и латышской традиции и косвенно (в виде отдельных мотивов) для прусской.

Ближайшие параллели балтийскому варианту основного мифа содержатся в белорусской традиции, которая впитала в себя многочисленные элементы Б. м., и в реконструируемой праславянской мифологии (см. Славянская мифология; в ряде случаев эта близость столь велика, что даёт основания предполагать общие балто-славянские истоки). Другой архаичный миф, фрагменты которого сохранились в литовском и латышском фольклоре, — «небесная свадьба» солнца и месяца; в литовской народной песне «Свадьба месяца», когда месяц изменяет солнцу с утренней зарёй Аушрой (иногда Аушра — дочь солнца), разгневанный Перкунас разрубает месяц мечом (объяснение убывания луны). В других версиях солнце выдаёт свою дочь замуж за утреннюю звезду Аусеклиса, вопреки воле Перконса-Перкунаса, или месяц отнимает невесту у Аусеклиса, за что солнце разрубает его мечом.

По фольклорным текстам реконструируется также вариант мифа, где утренняя заря (звезда), денница Аушра, латыш. Аустра, — жена громовержца, изменяющая Перкунасу с его противником.

Перкунас низвергает её с неба на землю, и та превращается в хтоническую богиню (ср. Маря, Жемина, Лаума). Аусеклис, солнце, месяц и звёзды (Звайгзнес, иногда — дети солнца и месяца) образуют небесную семью. Имена участников «небесной свадьбы» — Аусеклис (латыш.

Aūseklis, Auseklītis, Auseklīts, Auseklinš, Auseklinis, Auseklenč, Auseklenš, Auseklenis), Аушрине — Аушра [литов. aušrà, «заря», aušrine, «утренняя звезда», «Венера»; ср. Вакарине (vakarinė), вечернюю звезду: она стелет солнцу постель, а Аушрине зажигает утром огонь], Аустра, Аустрине [латыш. āustra, austrina, «утренняя заря», в некоторых текстах отождествляется с Аусеклисом; ср. Ауска, у Ласицкого — литовская богиня лучей

восходящего и заходящего солнца] — этимологически связаны с латыш. *āust*, «рассветать» и имеют многочисленные индоевропейские параллели: ср. древнеинд. Ушас, греч.

Эос, рим. Аврору, вероятно, латыш. Усиньш и вост.-слав.

Усень — Авсень. Эта часть Б. м., как и ряд существенных деталей, связанных с культом природных божеств, является общей для литовцев, латышей и, видимо, пруссов. В целом же структура первого уровня в каждой из этих традиций характеризуется своими особенностями. Наиболее индивидуальный вариант представлен прусской мифологией.

Прежде всего прусский пантеон наиболее оформлен, его персонажи (исключительно мужские) чётко дифференцированы не только по функциям, но и по своей внешности; иерархия этих персонажей определяется не только по описаниям, но и по порядку следования в списках. Первый уровень представлен восемью персонажами.

Помимо уже упоминавшихся бога (Дейвса) и Перкунса, сюда входят Потримпс, юный бог рек и источников, и Аутримпс, бог моря, в реконструкции восходящие, видимо, к одному персонажу — Тримпсу, существование которого подтверждается литовскими и латышскими данными. Патолс — самый старый бог, связанный с нижним миром; по описанию Грунау, имел длинную седую бороду: отсюда правдоподобная связь его с другим божеством — Бардойтсом (собств. «бородатый», первоначально, возможно, эпитет Патолса), позже трактуемым как бог кораблей (ср. Пеколс).

Природные божества, дающие благополучие человеку, — Пергрубрюс, воплощение весны, листья, травы; Пушкайтс, воплощение земли, священной бузины; Аушаутс, воплощение целостности, сохранности, бог-врачеватель; Пильвитс, бог, дающий богатство. Эти персонажи объединяются в схему (см. рис. 1) Бог (Дейвс) противопоставляется Перкунсу как главный — неглавному, неактуальный — актуальному, хозяин — исполнителю.

Тримпс противопоставлен Патолсу как молодой — старому, весенний — осеннему, жизнь — смерти, зелёный — белому. Пушкайтс и Пергрубрюс противопоставлены Аушаутсу и Пильвитсу как дикое — культивированному, природа — человеку; Пушкайтс Пергрубрюсу

как лес ☐ полю; Пильвитс Аушаутсу как богатство ☐ здоровью (моральной норме).

Этот прусский пантеон позже претерпел существенные изменения: бог (Дейвс) получил эпитет Окопирмс, ставший позднее основной формой имени; Тримпс разделился на Потримпса и Аутримпса; эпитет Патолса Бардойтс стал самостоятельным божеством; Патолс получил имя Пеколс; Пеколс раздвоился на Пеколса и Поколса; в пантеон был включён Звайгстикс, связанный с солнечным светом и солнцем (аналогичное выделение солнца как особого мифологического персонажа, ставшее возможным только после утраты первоначальной связи названия бога и солнечного дневного света, характерно и для литовской, и латышской мифологий). Наиболее действенными принципами упорядочения пантеона оказались: космологический (небо ☐ Окопирмс, солнце ☐ Звайгстикс, гром и молния ☐ Перкунс, море ☐ Аутримпс и т. п.) или смешанный, при котором космологические элементы сочетались с социально-хозяйственными. Списки божеств, принадлежащих к первому уровню литовской мифологии, ущербны и помогают реконструировать лишь часть ядра системы: Нънадей/Андай ☐ Перкунас ☐ Телявель (по Волынской летописи).

Здесь Нънадей ☐ высший бог (ср.: «жряше богом своим втаинь, первому Нънадеви»), в чьём имени выделяется элемент *deiv-*: *No-/an/-dein- (соответственно *An/t-deiv-, Андай: ср. Диевас), ср. латыш, *po-dievs* в значении «небо» (возможна и иная интерпретация имени Нънадей ☐ Нумадиевс, от литов. *pãmo diẽ vas*, «бог дома»; ср. у Ласицкого *Numeias*, «домашний бог»). Перкунас ☐ громовник, Телявель ☐ божественный кузнец, помощник Перкунаса, находящий надёжные параллели в популярном во всём прибалтийском ареале сюжете о кузнеце, выковавшем солнце (ср. скандинавские, финские, эстонские и другие версии).

Место и суть других божеств, упоминаемых в источниках XIII в., далеки от ясности: литовцы поклонялись богине Жворуне в образе суки; Мидина, видимо, литов. Медейна (*Medeine*) ☐ хозяйка леса, отождествляемая с Заячьим богом.

В условиях христианизации, когда именно высший уровень мифологической системы (пантеон) стал объектом нападков и гонений, пантеон литовских богов не имел возможностей для развития. Из данных XVI в. (начиная с Мажвидаса) и позже заслуживают упоминания богиня Жемина, связанная с землёй (ср. литов. *žemė* ☐, «земля»), её брат Жемепатис (*Žemėpatis*, собств. «господин земли»), Лайма ☐ богиня счастья, судьбы, возможно, Бангпутис, бог ветра, и др.

Перкунас во многих случаях аккомодировался образу пророка Илии. Ещё меньше данных судить о структуре первого уровня латышской мифологии. Но и здесь несомненно наличие пары: бог (Диевс), отец неба, и Перконс, бог грома и молнии, которые противопоставлены друг другу, как в прусской и литовской мифологиях, и тем не менее нередко смешиваются друг с другом (ср. «сыновей бога» и «сыновей Перкона»).

Возможно, что богиня земли Земес мате (*Zemes māte*, собств. «земля-мать») некогда входила в сюжет основного мифа. Некоторые мифологические персонажи стали чисто фольклорными; напротив, некоторые христианские святые, покровители земледелия и скотоводства, сильно мифологизировались и тем самым восполнили нехватку мужских мифологических персонажей. Второй уровень Б. м. в основном составляли божества, связанные с хозяйственными циклами, с частными целями, приуроченными к сезонным обрядам.

Видимо, к нему принадлежали первоначально прусские Пергрубрюс, Пушкайтс, Аушаутс, Пильвитс, латышские женские божества, Усиньш как покровитель лошадей и, возможно, мифологизированные христианские святые, большая часть литовских божеств из списков Стрыйковского, Ласицкого и Преториуса. В своих сочинениях они приводят десятки мифологических имён.

Как правило, они даны в неточной, а иногда и в заведомо ошибочной форме; функции, приписываемые носителям этих имён, часто недостоверны или сугубо этимологического происхождения; многое следует отнести за счёт недостаточной осведомлённости авторов и иногда их фантазии. Наконец, многие из указанных божеств оказываются духами, покровителями природы или хозяйства.

Тем не менее некоторые имена заслуживают внимания. См. у Стрыйковского: Прокоримос — высшее божество; ему приносили в жертву белых каплунов; часть жертвы поедалась исполнителями обряда, часть — жертвующими, часть — сжигалась; имя *Prokorimos* восходит к литов.

Prakurimo diēvas, «бог творения», от *pra-kūrti*, «творить» (ср. Диевас, Окопирмс). Крумине — божество зерновых; ему приносят в жертву петухов с низким густым гребнем, разрезая мясо на мелкие кусочки, чтобы рожь была невысокой, но густой; полное наименование — *Krumine Pradziu Warpi*, «Крумине начала колосьев» (ср. литов. *krūmas*, «куст»).

Литуванис — мифологический персонаж, посылающий дождь (Lituwanis, ср. литов. lietùs, «дождь»), возможно, персонификация дождя. Гульбис — личный гений человека (Gulbi Dziewos, видимо, искажение литов.

G—lb-, от gelbėti, «помогать»); мужчины приносили ему в жертву белых каплунов, женщины — кур. Гониглис — бог леса и пастухов (Goniglis Dziewos), искажение Ganyklos Di—vās, «бог пастбищ», сравнивается с римским Сатиром и Фавном; Гониглису жертвовали тестикулы коней, быков, козлов и других животных; пастухи сжигали их на большом камне, моля Гониглиса защитить скот от хищников.

Сотварос — бог скота, которому приносили в жертву перед костром белых каплунов; имя Sotwaros, видимо, связано с литов. su-tvérti, «создавать»; Упинис девос — бог рек (ср. литов. Ûpinis di—vas, «речной бог»); ему приносили в жертву белого поросёнка, чтобы вода была чиста. Келю Диевас (Kilu Dziewas, Kellukis у Преториуса, от литов. k—lias, «дорога», «путь»), бог дорог, которого просили о благополучном путешествии.

Сейми девос (Seimi dewos, ср. латыш. sàimes dievs и литов. šeim/yn/os di—vas) — бог семьи, дома; ему приносят в жертву кур и петухов, бросая их в огонь печи. Ругучис (Ruguczis) — божество ферментации, Бубилас — божество пчёл и др. У Ласицкого: Аукстеяс Висагистис (Auxtheias Vissagistis, вероятно из литов. aukšta/isis visgalisis, «высший всемогущий») — высший всемогущий бог.

Альгис (Algis, ср. литов. algóti, «звать») — вестник высших богов. Апидеме (Apidome, ср. литов. apídeme, «участок», «владение») — божество перемены жилища.

Аудра (Audra, ср. литов. áudrà, «буря»; Audros dievaitis, «божок бури») — богиня моря и прочих вод. Безлея (Bezlea, от литов. blīsti, «темнеть», «смеркаться») — богиня вечера; в списке Ласицкого располагается между богиней солнечных лучей Ауской и богиней ночной тьмы Брекстой (Breksta, от литов. brékšti «смеркаться», но и «брезжить», «рассветать»).

Будинтойс, Будинтая (Budentoys, Budintaia, ср. литов. b—dinti, «будить») — божество бодрствования, пробуждения. Вальгина — богиня скота (кроме лошади); имя Walgina (ср. литов. vaĩgis, «еда»), возможно, указывает на функцию богини, имеющую отношение к

пище.

Гардунитис (Gardunitis, ср. литов. gārdas, «огороженное место», «загон», «стойло») — божество, охраняющее двор, усадьбу, скот; та же функция приписана Дворгаутису (Dworgautis, от литов. dvāras, «имение», «поместье»). Датанус (Datanus, ср. литов. duotojas, «деятель», от duóti, «дать»).

Ежеринис (Ezernim, ср. литов. ežerinis, «живущий в озере») — божество озёр. Жалус (Salaus, Zallus, ср. литов. žalóti, «вредить», «портить») — божество вражды; ср. латыш. Каря мате (Karra māhte, ср. karavīrs, «воин»), богиню ссоры.

Кремата (Kremata) — божество свиней; ср. Крукиса (Krukis, от литов. krūkti, «хрюкать»), свиного бога (у Преториуса — Кяюлю Крукас). Лаздона (Lasdona, от литов. lazda, «ветвь») — покровительница леса, украшенная ветвями, божество лесных орехов.

Лигичюс (Ligiczus, видимо, из *Ligintjus, ср. литов. lýginti, «уравнивать») — божество согласия, единства; у Преториуса — Лигеюс (Lygiejus). Пизюс (Pizio, от литов. pizà, «вульва») — мифологический персонаж, приводящий невесту к жениху и почитаемый юношами; вслед за ним упомянут Гонду (Gondu, возможно, искажение жемайт. gėdius, от gėda «стыд», «срам») — мифологический персонаж, почитаемый девушками, покровитель отношений между молодыми людьми.

Сидзюс (Sidzium) добрый гений отдельного рода, семьи; ср. Твертикоса (Tvverticos), бога определённой местности и рода. Сиричус (Siriczus) — бог пастухов, кормящий скот; у Преториуса более правильная форма имени — Szericzius (от литов. šėrti, «кормить»).

Убланича (Ublaničza) — домашнее божество, заботящееся о каждом молящемся или о каждом предмете утвари; имя, видимо, происходит от литов. ubladnyčia, «отдельное строение с печью для приготовления свиного корма»: ср. использование овина, риги и т. п. в ритуальных целях. У Преториуса: Ератинис (Eratinnis, Eraiczin — Eraičlų dievaitis, ср. литов. éraitinis, «бараний божок») — баранье божество у литовцев и, видимо, пруссов. Желус (Zelus, от литов. želti, «расти», «вырастить», žolė, «трава») — божество, способствующее росту трав.

Карвайтис (Karvaitis, Kurvvaiczin – Karvaicių, dievaitis, ср. литов. kárvė, «корова», прус. curwe) – телячий божок у литовцев и, возможно, пруссов. Каукарюс [Kaukarus, ср. литов. kайkuras, «вершина» (горы)] – божество, связанное с горами, и др. Третий уровень мог включать мифологических персонажей, характеризующихся наиболее абстрактными функциями, например Лайма, «судьба», Гильтине, «смерть», или персонажей, известных прежде всего из фольклорных текстов (сказок, песен и т. п.): сюда относятся солнце и месяц (литов.

Saulė-Mėnuo, латыш. Saule-Meness), участвующие в сюжете «небесной свадьбы», брака и его разрыва, дублирующего мотив предыстории основного мифа, денница, заря, небесный кузнец (Кальвис), звёзды, также включающиеся в некоторых версиях в этот сюжет, Звайгстикс, Аусеклис и др., а также персонажи, входящие в семью солнца, – солнцева дочь, солнцева мать и т. п. Четвёртый уровень объединяет, как правило, персонажей, которые открывают мифологизированную историческую традицию.

Ср. Видевута и Брутена у пруссов, родоначальников светской и духовной власти, Швинторога как основателя новой ритуальной традиции, и даже Гедимина как основателя Вильнюса, Криве и Лиздейку как основателей новой жреческой традиции. К тому же уровню могли относиться и некоторые более или менее индивидуализированные (нередко отрицательные) персонажи: противник громовержца (Велняс, Велнс) в сниженном варианте – «чёрт», латыш.

Велумате (Velu māte), «мать мёртвых», покровительница умерших, Лаума – ведьма, Юмис – дух зерна, «двойчатка», прус. Курке – злой дух, вредящий злакам, может быть, литов.

Айтварас – домашний дух, Куршис (Kuršis) – дух хлеба, воплощаемый соломенным чучелом, изготовленным при молотье, Ругинис – дух ржи, Ругю боба (Rugiu boba) – «ржаная баба», чучело из соломы и ветвей, и т. п. Пятый уровень включает сказочных персонажей и духов – хозяев леса, воды, поля и других урочищ. Таковы литов.

Лауксаргас (Laūksargis; ср. литов. laūkas, «поле» и sárgas, «сторож») – охранитель поля, Медейна – охранительница леса, Габия – персонифицированный огонь, Вейопатис – господин ветра и др. Уже раннесредневековые источники сообщают о поклонении огню, воде, деревьям, камням, небесным светилам.

Особенно почитался вечный огонь или святой огонь (прус. и ятвяжск. Schwents Paniks) как в персонифицированной, так и в неперсонифицированной форме.

До сих пор известны многочисленные молитвы, обращённые к огню. К шестому уровню принадлежат неиндивидуализированные и часто неантропоморфизированные духи, образующие целые классы. Таковы прусские Барздуки – гномы.

Маркополи – антропоморфные духи, живущие в земле (и те, и другие связаны с Пушкайтсом), литов. Каукас, Кауки – добрые духи дома, благожелательные людям женские духи дейве и лауме, ведьмы – раганы; духи, вызывающие кошмары (литов. slogùtės), наваждения (латыш. мани – māns, mānis).

Ср. мургов – воздушных духов и духов умерших (латыш. mūrģi – так же называли бред, фантастические видения у больных). К тому же уровню относятся оборотни – вилктаки, великаны (литов. milžinai) и многочисленные латышские духи – матери: воды – Уденс мате (Ūdens māte), моря – Юрас мате (Jūras māte), леса – Межас мате (Mežās māte, есть и отец леса – Межа тевс, Meža tēvs), полей – Лауку мате (Lauku māte), ветра – Вейас мате (Vējas māte), скота – Лопу мате (Lopu māte) и др.

Сюда же, видимо, следует относить таких духов, как латышский Маяс кунгс (Mājaskungs, «господин дома»), дух – покровитель дома, умерший предок, живущий в очаге или под порогом; семейный дух Лулькис (Lulkis, ср. латыш. luis, «молочный телёнок», «материнская грудь»); литовский Димстипатис (dimstipatis – «хозяин дома», от dimstis, «двор», «усадыба» и pàts, «сам», «господин»), духи умерших неестественной смертью (lietuvėns) и многообразную нечисть, а также мифологизированные образы медведя, волка, змей. Чускас – «домашние змеи» (от латыш. čūska, «змея»), которых, согласно Стендеру, почитали латыши, кормили их на священных трапезах; подобные трапезы у литовцев устраивались специальными жрецами – монининкс (monininks), от manýti, «думать», «полагать»: ср. жрецов жалтонес, от литов. žaltis, «уж», заклинателей змей).

После пира исповедывались в грехах и бедах жрецу, и тот, держа в руках змей, производил заклятие или призывал к исполнению желаний. Седьмой уровень включает человека в его мифологизированной ипостаси, прежде всего как носителя души, духа (литов. dvasià, латыш. siela) и как участника ритуала. К тому же уровню относятся разные категории жрецов, хорошо известные у пруссов и литовцев: прус, вайделоты

(зигноты), возглавляемые криве-кривайтисом; нерути (Nerutti, Neruttei), гадавшие о погоде и возможностях рыбной ловли, ныряя в воду [корень **ner-* связан как с обозначением жизненной силы плодородия и полноты чувств (прус. *nertin*, «гнев», литов. *norėti*, «желать», *paĩsas*, «храбрость», «ярость»), так и с символикой «низа» (земли, воды), ср. литов. *nėrti*, «нырять», *neróve*, «русалка» и соответствующие индоевропейские параллели: древнеинд. *нарака* — подземное царство, древнегреч.

Нерей, Нереиды и т. п.]. Ср. другие категории жрецов, гадающих по воде: вандлулутти (*Wandlūlutti*, литов. *vanduõ*, «вода»), удбуртули (*Udburtulli*, ср. балт. *vand-/ud-*, «вода» и *burt*, «гадать»).

Литов. малдининки (*Maldininkas* у Преториуса, ср. литов. *maldiniñkas*, «молитель») молились, пели и отправляли многочисленные ритуалы. Прус. тулисоны и лагашоны (*Tullissones vel Ligaschones*) упомянуты уже в договоре ордена с пруссами от 7 февраля 1249 как «лживейшие комедианты», принимающие участие в обрядах восхваления умершего (их упоминает и Преториус); по некоторым предположениям, название «лигашоны» связано с **l̥gati*, «лгать»).

Известны многочисленные категории жрецов-гадателей об урожае, погоде и т. п.: по поведению животных и птиц (по крови и внутренностям жертв и т. п.) — лекутонес (*Lekkutones*, ср. литов. *l̥kti*, «летать»), видуронес (*Widdurones*, ср. литов. *viduriaĩ*, «внутренность»), жверутей (*Szweruttei*, ср. литов. *žveris*, «зверь») и др.; по дыму или пламени свечи — жваконес (*Szwakones*, ср. литов. *žvākė*, «свеча»), думонес (*dumones*, ср. прус. *dumis*, «дым»); по звёздам — жвейгджурунес (*Szweigdurnes*, ср. литов. *žvaigždė*, «звезда», а также латыш. Ликста — мифологизированный образ небесных явлений, сулящих дурные последствия) и др.

К тому же уровню относится всё, что связано с ритуалом, аграрными и другими праздниками, как правило, соотнесёнными с христианскими, например, день Иоанна Крестителя, литов. *Joninės*, латыш.

Лиго (*Līgô*, от *līgôt*, «качаться» — ср. представление о качании солнца 24 июня). Лиго — праздник летнего солнцеворота, связанный с почитанием солнца, просьбами о плодородии и охране полей и скота от злых духов, ведьм, время общего веселья (в старых источниках песенный припев «Лиго» был осмыслен как имя бога радости); дома украшались зеленью, люди прыгали через костры и т. п. (ср. слав.

Купала). Тот же уровень включает различные ритуальные символы и предметы (священные камни и т. п.), обрядовые тексты, урочища и святилища, среди которых были крупные культовые центры, например, святилище Нижнего Замка в Вильнюсе и особенно общепрусский культовый центр Ромове. По легенде, переданной Грунау, Ромове было основано родоначальником прусской жреческой традиции Брутенем, который воздвиг там «жилище» для богов Патолса, Потримпса и Перкунса, изображённых на священном дубе (дереве Перкунаса: ср. также Носолум, видимо, божество дуба у литовцев – Nosolum из *Onzoliūs, литов. āžuolas, «дуб», и др. мифологизированные образы деревьев – Бирзулис, Birzulis, литовский бог берёзы у Ласицкого, Шермукшнис, «рябина», šermūkšnis, и др.). Дуб был разделён на три части, в соответствии с тремя зонами космоса, которые маркирует мировое дерево в архаичных традициях (см. Древо мировое): соответственно и «старый» бог Патолс связан с преисподней, юный Потримпс – с землёй, плодородием, Перкунс – с небом (ср. также трёхчастные литовские кресты, изоморфные мировому дереву и сохранившие в своей конструкции древнюю модель мира, присущую Б. м.). Данные о конкретных мифологических персонажах, их связях и соответствующих мифологических сюжетах позволяют реконструировать общее ядро восточнобалтийской мифологии, в частности на её высших уровнях (см. рис. 2) Мощь мифологического пласта у балтийских народов, разрушенного с введением христианства далеко не полностью, объясняет огромное количество пережитков язычества в фольклоре, магии, быту и ту большую роль, которую сыграла Б. м. и её образы в становлении литовской и латышской культуры нового времени (литература, искусство).

Литература :

- Теобальд, Литовско-языческие очерки, Вильна, 1890;
Гуревич Ф. Д., Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, «Советская этнография», 1948, № 4;
Перцев В. Н., Культура и религия древних пруссов, «Ученые записки Белорусского государственного университета. Серия историческая», 1953, в. 16;
Иванов В. В., Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках, в кн.: Балто-славянский сборник, М., 1972;
Топоров В. Н., Заметки по балтийской мифологии, там же;
Иванов В. В., Топоров В. Н., Балтийская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей, «Zeitschrift für Slavistik», 1974, Bd 19, H. 2;
Bender J., Zur altpreussischen Mythologie und Sittengeschichte, «Altpreussische Monatsschrift», 1865, Bd 2, 1867, Bd 4;
Bielenstein A., Das Johannisfest der Letten, «Baltische Monatsschrift», 1874, Bd 23, H. 1–2;
Mannhardt W., Letto-preussische Götterlehre, Rīga, 1936;
Brückner A., Beiträge zur litauischen Mythologie, «Archiv für slavische Philologie», 1886, Bd 9, H. 1;
его же, Starozytna Litwa. Ludi i bogi, Warsz., 1904;
Mierzyński A., Źródła do mytologii litewskiej, cz. 1–2, Warsz., 1892–96;
Lautenbach J., Über die Religion der Letten, «Magazin der Lettisch-literarischen Gesellschaft», 1901, Bd 20;
Būga K., Medžiaga lietuvių, latvių ir prūsų mytologijai, sąs. 1–2, Vilnius, 1908–09;
Šmits P., Latviešu mītoloģija, 2 izd., Rīga, 1926;

еро же, *Latviešu tautas ticējumi*, t. 1–4, Rīga, 1940 – 41;
Bertuleit H., *Das Religionswesen der alten Preussen mit litauisch-lettischen Parallelen*, «Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia», 1924, H. 25;
Basanavičius J., *Iš senovės lietuvių mytologijos*, «Lietuvių tauta», 1926, kn. 4, sas. 1;
Krollmann C., *Das Religionswesen der alten Preussen*. «Altpreussische Forschungen», 1927, Jg. 4;
Jonval M., *Les chansons mythologiques lettonnes*, P., [1929];
Pisani V., *Il paganesimo baltoslavo*, [Torino, 1962] (*Storia delle religioni*, 5 ed., v. 2);
еро же, *Le religioni dei celti e dei baltoslavi nell'Europa precristiana*, Mil., 1951;
Thomas H., *Die slavische und baltische Religion vergleichend dargestellt*, Bonn, 1934 (Diss.);
Adamovičs L., *Senlatviešu religija*, в сб.: *Vēstures atzināšanas un tēlojumi*, [Rīga], 1937;
еро же, *Zur Geschichte der altlettischen Religion*, Rīga, 1940 (*Studia Theologica*, kn. 2);
Ivinskis Z., *Medžlų kultas lietuvių religijoje*, «Soter», 1938 – 39;
еро же, *Sėnovės lietuvių religijos bibliografija*, Kaunas, 1939;
Straubergs K., *Latviešu buramie vārdi*, t. 1 – 2, Rīga, 1939;
еро же, *Lettisk folktro om de döda*, Stockh., 1949;
Meulen R. van der, *De Godsdiensten der Slaven en Balten*, в кн.: Leeuw G. van der, *De Godsdiensten der wereld*, 3 ed., deel 2, Amst., 1956;
Sturms E., *Alkstätten in Litauen*, Hamb., 1946;
Alseikaite-Gimbutiene M., *Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit*, Tübingen, 1946;
Slaviūnas Z., *Liaudies papročiai ir mitiniai įvaizdžiai mažvydo raštuose*, в сб.: *Senoji lietuviška knyga*, [Kaunas, 1947];
Balys J., *Lietuvių tautosakos skaitymai*, Bd 1 – 2, Tübingen, 1948;
еро же, *Lithuanian mythology*, в кн.: Funk and Wagnalls standard dictionary of folklore, mythology and legend, N. Y., [1972];
еро же, *Latvian folklore. Latvian mythology*, там же;
Jaskiewicz W., *A study in Lithuanian mythology*, «Studi baltici», 1952, t. 9;
Biezais H., *Die himmlische Götterfamilie der alten Letten*, Uppsala, 1972;
еро же, *Baltische Religion*, в кн.: Ström A. V., Biezais H., *Germanische und baltische Religion*, Stutt. [u. a.], 1975 (лит.);
Gobis V., *Senoves lietuviu tikejimas*, в сб.: *Religija, ateizmas, dabartis*, Vilnius, 1966;
Jurginis J., *Krikščionybė Lietuvoje*, в сб.: *Religijos ir ateizmo klausimai*, Vilnius, 1963;
еро же, *Lietuvių dievai ir deivės*, «Mokslas ir gyvenimas», 1966, № 3;
Dundulienė P., *Namu židinio kultas Lietuvoje*, «Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija», 1964, kn. 6;
её же, *Senoves lietuvių religijos klausimu*, там же, 1969, kn. 10;
Szafranski W., *Ze studiów nad wierzeniami Bałtów*, «Acta Baltico-Slavica», 1969, t. 6;
Puhvel J., *The baltic pantheon*, в сб.: *Baltic literature and linguistics*, Columbus, 1973;
Kosman M., *Drogi zaniku pogaństwa u Bałtów*, Wrocław [u. a.], 1976;
Velius N., *Mitines lietuvių sakmių būtybės*, Vilnius, 1977;
еро же, *Laumių dovanos. Lietuvių mitologinės sakmės*, Vilnius, 1978;
Dundulienė P., *Žaltys ir joji simbliai lietuvių liaudies mene ir žodinėje kūryboje*, Vilnius, 1979. В. Иванов, В. Н. Топоров.